18+

Злата Вельская

НОЧЬ в долг

Злата Вельская

Ночь в долг

«Издательские решения»

Вельская З.

Ночь в долг / З. Вельская — «Издательские решения»,

Нора Эллис оценивает залоги для банка и никогда не проводит ночи в игорных клубах. Но хозяин «Обсидиана» Лукас Вейл не подписывает бумаг днём. Он предлагает сделку: тридцать ночей в его клубе на краю пирса, с девяти вечера до рассвета, и честная опись всего, что она захочет увидеть. Нора отказывается. А потом он заговаривает о её отце. Тёмный портовый город, опасный мужчина с ранней сединой и долг, который не тонет вместе с людьми. Страсть, тайна и счастливый финал.

© Вельская З.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Нора 6
Глава вторая. Лукас 10
Глава третья. Нора 14
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Ночь в долг

Злата Вельская

© Злата Вельская, 2026

ISBN 978-5-0071-6085-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Нора

Про хозяина «Обсидиана» в Карвене говорили две вещи.

Первая: он никогда ничего не подписывает.

Вторая: тому, кто приносит ему бумаги на подпись, лучше иметь при себе запасную пару рук.

Я пришла к нему в одиннадцать вечера, с бумагой о взыскании в кожаной папке. Других рук у меня не было.

Днём он не принимал. Трижды банк отправлял к нему курьера, трижды курьер возвращался с одним и тем же ответом. Мистер Вейл встречается с людьми только после заката. Мой начальник, мистер Пеннингтон, назвал это театром. А потом посмотрел на меня поверх очков и сказал, что театр меня не пугает.

Он был прав. Меня пугают совсем другие вещи.

Например, запах карт.

Я почувствовала его сразу, как только швейцар открыл мне чёрную стеклянную дверь. Старая бумага, сукно, табак, который здесь никто не курит, но который въелся в стены ещё во времена, когда тут был склад. Так пахло в доме моего детства по ночам, когда отец возвращался под утро. Я выпрямила спину и пошла вперёд.

«Обсидиан» стоял на самом конце старого пирса. Снаружи он был похож на чёрный кристалл, выросший из воды. Внутри было тепло, полутемно и неожиданно красиво. Низкие лампы над столиками. Медная стойка бара. На маленькой сцене женщина в тёмно-синем платье пела что-то медленное, хрипловатое, и саксофон отвечал ей, как усталый любовник.

Людей было много. Портовые грузчики в рабочих куртках сидели рядом с мужчинами в дорогих костюмах. Никто ни на кого не косился. Это я отметила машинально. Я всегда всё отмечаю. За это мне и платят.

— Мисс Эллис, — сказал бармен, огромный, коротко стриженный, со сломанным носом боксёра. — Вас ждут. Наверх, по лестнице до конца.

Он знал, как меня зовут. Я не называла своего имени.

Лестница была узкой, железной, и каждая ступенька отзывалась у меня в каблуках. На втором этаже, за открытыми дверями, я увидела карточный зал. Зелёные столы. Тихие голоса. Шелест колоды. У меня на секунду пересохло во рту. Я не остановилась.

Кабинет был на самом верху.

Дверь была приоткрыта. Я постучала и вошла, не дожидаясь ответа.

Первое, что я увидела, было окно. Огромное, во всю стену, и за ним ночная гавань. Огни на мачтах. Красный глаз маяка далеко на мысе. Чёрная вода, которая дышала под пирсом.

Второе, что я увидела, был он.

Лукас Вейл стоял у окна спиной ко мне. Высокий, в тёмной рубашке с закатанными рукавами. Чёрные волосы, на висках ранняя седина, будто кто-то провёл по ним пальцами, испачканными в инее. В правой руке он вертел маленькую фигурку. Чёрную, гладкую, она ловила свет и снова прятала его.

— Вы опоздали на четыре минуты, мисс Эллис, — сказал он, не оборачиваясь.

— Ваш швейцар долго искал меня в списке гостей.

— Вас не было в списке гостей.

— Тогда почему меня пустили?

Он обернулся.

Я ожидала увидеть бандита. Человека с тяжёлым лицом и пустыми глазами. А увидела мужчину, от которого у меня сбилось дыхание, и это разозлило меня сильнее всего на свете.

Резкие скулы. Жёсткий рот. Глаза тёмно-серые, как вода в гавани перед штормом, и очень внимательные. На левом запястье, там, где у других часы, темнела татуировка. Компас.

— Потому что я хотел на вас посмотреть, — сказал он просто.

Я положила папку на его стол. Стол был пустым, без единой бумаги. Только пепельница из чёрного камня, в которой никогда не было пепла, и шахматная доска без фигур.

— Мистер Вейл. Меня зовут Нора Эллис, я оценщица залогового имущества банка «Карвен Траст». Два года назад под залог этого клуба был получен кредит на два миллиона. Платежи не поступают восемь месяцев. У вас есть тридцать дней, чтобы погасить долг. Через тридцать дней банк забирает здание. Я составлю опись имущества и дам заключение. Это уведомление. Здесь нужна ваша подпись о том, что вы его получили.

Я открыла папку и положила рядом ручку.

Он даже не взглянул на бумагу. Он смотрел на меня.

— Я этого кредита не брал, — сказал он.

— Его брал ваш партнёр, мистер Оуэн Ри. От имени клуба. С вашей доверенностью.

— Оуэн утонул.

— Мне жаль. Но долг не тонет вместе с людьми.

Что-то мелькнуло в его лице. Быстро, как рыба под водой. И пропало.

— Вы всегда так разговариваете, мисс Эллис? Или только по ночам?

— Я разговариваю так, как требует дело.

— Тогда давайте поговорим о деле. — Он подошёл к столу. Медленно. Он вообще всё делал медленно, как человек, у которого очень много времени и очень мало терпения. Поставил чёрную фигурку на пустую шахматную доску. Это был ферзь. Чёрный ферзь, вырезанный из того же камня, что и пепельница. — Я предлагаю вам сделку.

— Банк не заключает сделок в кабинетах.

— Я предлагаю её не банку. Вам.

Он оперся ладонями о стол и наклонился ко мне. Между нами осталась ширина столешницы и мой собственный пульс, который вдруг стал слишком громким.

— Тридцать ночей, — сказал он. — Вы приходите сюда каждую ночь, с девяти вечера до рассвета. Вы смотрите, считаете, описываете всё, что хотите. Каждый стакан, каждый стул, каждую душу на этом пирсе. Вы видите, как живёт «Обсидиан». А через тридцать ночей, если вы всё ещё захотите его закрыть, я сам отдам вам ключи. Без адвокатов. Без драки.

— А если я откажусь?

— Тогда вы будете составлять опись по документам из своего кабинета. И напишете в заключении то, что вам велят. Как все до вас.

Это было оскорбление. Точное, спокойное, как удар скальпелем.

Я взяла ручку и закрыла её колпачком.

— Мистер Вейл. Я не провожу ночи в игорных клубах. Ни тридцать, ни одну. Опись будет составлена днём, в присутствии судебного пристава. Хорошего вечера.

Я повернулась к двери.

— Ваш отец был иного мнения о ночах в игорных клубах, — сказал он мне в спину.

Я остановилась.

Секунду, две. Сердце ударило в рёбра так, что стало больно. Я не обернулась. Если обернусь, он увидит моё лицо. А лицо у меня в этот момент было, наверное, как у девочки шестнадцати лет, которая застыла на лестнице в ночной рубашке и смотрит, как чужие люди выносят из дома мамино пианино.

— Вы ничего не знаете о моём отце, — сказала я ровно.

— Возможно.

Я вышла. Он меня не остановил.

Внизу певица в синем платье допевала последний куплет. Бармен проводил меня взглядом. Швейцар, седой старик с лицом, похожим на печёное яблоко, открыл передо мной дверь и сказал:

— Осторожнее на пирсе, мисс. Доски мокрые.

Доски и правда были мокрыми. С моря наползал туман. Фонари на пирсе горели через один, и между ними лежали длинные полосы темноты. Моя машина стояла на парковке у начала пирса, метрах в трёхстах. Я шла быстро, прижимая папку к груди. Каблуки стучали по доскам. Под ногами плескалась чёрная вода.

Я думала об отце.

Как он мог знать? Двенадцать лет прошло. Я сменила город, дважды сменила квартиру, работаю в банке, где о Дэниеле Эллисе никто никогда не слышал. Дэниел Эллис давно лежит на маленьком кладбище в часе езды отсюда. Под камнем, на который я так и не заработала нормальную надпись.

Я услышала шаги не сразу. Туман глушил звуки.

Двое. Сзади. Тяжёлые ботинки.

Я ускорила шаг. Шаги тоже ускорились.

До парковки оставалось метров сто, когда из темноты между фонарями мне навстречу вышел третий. Невысокий, широкий, в куртке с поднятым воротником. Лица я не разглядела.

— Папочку отдай, — сказал он почти ласково. — И езжай домой, красавица. Тебе тут нечего делать.

— Здесь документы банка. Если вы…

Он не стал слушать. Рванул папку у меня из рук. Я вцепилась в неё. Глупо, по-детски, будто от этого что-то зависело. Кто-то сзади схватил меня за локоть, дёрнул, и я ударилась спиной о мокрые перила. Перила были низкими. Подо мной, далеко внизу, чавкнула вода.

На один бесконечный миг я подумала, что сейчас полечу туда. В чёрную, ледяную октябрьскую воду. В сапогах на каблуках и в шерстяном пальто.

А потом человек, который держал меня за локоть, вдруг отпустил. Отпустил и закричал. Высоко, некрасиво, как кричат от настоящей боли.

Я не сразу поняла, что произошло.

Лукас Вейл стоял рядом со мной. Без пальто, в той же тёмной рубашке. Он держал нападавшего за запястье, вывернув его руку под очень неправильным углом. Держал легко, почти небрежно. И лицо у него было совершенно спокойным. Таким же спокойным, как в кабинете, когда он рассуждал о тридцати ночах.

— Ещё раз тронешь её, — сказал он тихо, — и я сломаю тебе не руку. А всё остальное.

Раздался короткий сухой хруст. Человек взвыл и упал на колени.

Второй бросился на Лукаса сзади. Я крикнула. Лукас развернулся, не отпуская первого, и второй налетел на его локоть горлом. Захрипел, согнулся, отполз. Третий, с моей папкой, уже бежал по пирсу к парковке. Лукас не стал за ним гнаться.

Всё это заняло секунд десять. Может, пятнадцать.

Двое на досках поднялись и, держась друг за друга, похромали в туман.

Стало тихо. Только вода плескалась внизу и где-то далеко гудел корабль.

Я стояла, вцепившись в перила, и не могла разжать пальцы.

Лукас подошёл ко мне. Остановился совсем близко. От него пахло холодным воздухом, морем и чем-то тёплым, горьковатым. Он взял меня за руку и отцепил пальцы от перил. Один за другим. Бережно. Будто не он только что сломал человеку запястье.

— Вы ранены? — спросил он.

— Нет.

— Вы дрожите.

— Мне холодно.

— Лжёте, — сказал он почти нежно. — Вам страшно. Это правильно. В Карвене страшно должно быть всем, кто ходит по этому пирсу с бумагами из банка.

— Они забрали папку.

— Знаю.

— Там уведомление. Опись. Копия кредитного договора.

— Знаю, — повторил он. — Им была нужна именно она. Не ваша сумочка, не ваши серьги. Папка. Интересно, правда?

Я подняла на него глаза. Туман лежал на его волосах мелкими каплями. Серые глаза смотрели на меня в упор, и в их глубине было что-то тёмное и очень живое.

— Вы знали, что так будет, — сказала я. — Вы поэтому вышли за мной.

— Я вышел за вами, потому что не люблю, когда женщины уходят от меня в туман одни.

— Это неправда.

— Это тоже правда. — Он чуть улыбнулся краем губ. Впервые за вечер. — Не вся, но правда.

Он проводил меня до машины. Шёл рядом, не касаясь. Только однажды, когда мой каблук попал в щель между досками, он поймал меня за талию. Его ладонь легла мне на спину, горячая даже сквозь пальто. И тут же исчезла.

У машины я повернулась к нему.

— Спасибо, мистер Вейл.

— Лукас.

— Спасибо, мистер Вейл, — повторила я. — Но это ничего не меняет. Банк пришлёт новое уведомление. Через тридцать дней…

— Через тридцать дней, мисс Эллис, — перебил он, — мы с вами узнаем, кто именно в вашем банке так боится, что вы увидите этот кредит. А пока…

Он открыл передо мной дверцу машины. Наклонился. Совсем чуть-чуть. Его губы оказались у самого моего виска. Он не коснулся меня. Но я почувствовала его дыхание, и по шее у меня побежали мурашки.

— А пока вы мне должны, — сказал он тихо. — Одну ночь.

Я села в машину и захлопнула дверцу так, что зазвенело стекло. Он отступил на шаг, сунул руки в карманы и смотрел, как я завожу мотор. Стоял в тумане без пальто, и фонарь за его спиной делал его похожим на силуэт, вырезанный из чёрной бумаги.

Я выехала с парковки и только на первом светофоре почувствовала, что по щекам текут слёзы. Не от страха. От злости. На тех троих. На него. На себя. На то, как билось сердце, когда его ладонь легла мне на спину.

Дома я заперла дверь на оба засова. Сбросила пальто. Налила воды и выпила её стоя, у раковины.

Телефон звякнул.

Сообщение. Номер незнакомый.

Я открыла его и почувствовала, как холод медленно поднимается от кончиков пальцев к горлу.

«Не ходи больше в „Обсидиан“, Нора. В следующий раз он может не успеть».

Глава вторая. Лукас

Я узнал её в ту секунду, когда она вошла в мой кабинет.

Не по фамилии. Фамилию мне назвал банковский курьер ещё неделю назад, и я сначала решил, что это совпадение. Эллисов в Карвене много. Я узнал её по глазам.

Зелёные. Очень светлые, как бутылочное стекло на солнце. И взгляд, который сначала считает, а уже потом чувствует. Так смотрел на карты её отец. Двенадцать лет назад. Через мой стол.

Я тогда раздавал карты. Мне было двадцать четыре, и я думал, что умею отличать людей, которые могут проиграть, от людей, которые не могут. Дэниел Эллис не мог. Я видел это по его рукам. Я говорил ему, чтобы он шёл домой. Он не пошёл.

А его дочь стояла сегодня на моём пирсе, вцепившись в перила, и я впервые за много лет захотел кого-нибудь убить.

Не того, кому сломал руку. Того, кто его послал.

После того как её машина скрылась в тумане, я вернулся в клуб. Тео ждал меня у служебной двери. Он вытирал стакан, хотя стакан был давно сухим. Тео всегда что-то вытирает, когда нервничает. Двадцать пять лет его знаю, с тех пор, как мы вдвоём таскали ящики с рыбой в порту за пару монет.

— Ну? — спросил он.

— Трое. Двоих я узнал. Братья Кольт, из грузовой бригады на восточном причале.

— Кольты работают на Дрейна.

— Кольты работают на того, кто платит. Сегодня платил Дрейн.

Тео поставил стакан. Посмотрел на мои руки. На костяшках правой была ссадина.

— Ты сломал кому-то запястье.

— Старшему Кольту. Он держал её над водой.

— Лукас.

— Знаю.

— Ты обещал. После того, как Оуэна…

— Я помню, что я обещал, Тео. — Я снял с вешалки полотенце и вытер руки. Хотя они были чистыми. Видимо, это заразно. — Я обещал не начинать. Я не начинал.

Он ничего не сказал. Он умел молчать так, что это звучало громче любого спора.

Я поднялся к себе в кабинет. Сел за стол. Чёрный ферзь стоял на пустой доске там, где я его оставил. Я взял его и стал вертеть в пальцах. Холодный, гладкий, тяжёлый. Мать подарила мне его, когда мне было семь лет. Остальные фигуры отец проиграл вместе с доской, а ферзя мать успела спрятать в карман фартука. Сказала тогда, что королева всегда уходит последней.

С тех пор я не играю. Ни в карты, ни в кости, ни в шахматы. Я держу клуб, где играют другие. Я знаю цену каждой ставки. Но сам не ставлю никогда.

Кроме сегодняшнего вечера.

Сегодня я поставил на то, что она вернётся.

Сабина постучала в дверь, когда часы над баром пробили два.

Она вошла, не дожидаясь ответа, как всегда. Тёмно-синее платье, на плечах моя старая кожаная куртка, которую она стащила из гардероба лет пять назад и так и не вернула. Сабина пела в «Обсидиане» с первого дня. Она была единственной женщиной в моей жизни, с которой я ни разу не спал и которой доверял полностью.

— Мне сказали, ты опять играл в героя, — сказала она и села на край стола.

— Мне сказали, ты опять подслушиваешь.

— Я не подслушиваю. Я слышу. Это разные вещи. — Она взяла с доски ферзя, повертела. — Кто она?

— Оценщица из банка.

— Лукас, я видела, как ты смотрел ей вслед со сцены. Ты так не смотришь на оценщиц из банка. Ты на них вообще не смотришь. Ты отправляешь к ним Финна, и Финн рассказывает им про погоду, пока они не сбегут.

Я забрал у неё ферзя.

— Её фамилия Эллис.

Сабина замерла. Она знала. Она была одной из немногих, кто знал, чем я занимался до «Обсидиана».

— Эллис. Как тот…

— Да.

— И она знает, кто ты?

— Нет. Пока нет.

— Пока, — повторила Сабина. Она слезла со стола и подошла к окну. Посмотрела на гавань. Огни на воде расплывались в тумане. — Лукас, если ты хочешь, чтобы эта женщина помогла тебе спасти клуб, тебе придётся ей сказать. И если ты ей скажешь, она тебе никогда не поможет. Ты это понимаешь?

— Понимаю.

— И что будешь делать?

Я не ответил. Я не знал.

Сабина вздохнула и ушла. На пороге обернулась.

— Она красивая, — сказала она. — Злая и красивая. Тебе всегда нравились такие, которые могут укусить.

Дверь закрылась.

Я остался один. Посмотрел на окно. На красный глаз маяка далеко на мысе. Два года назад, в ночь на четырнадцатое апреля, этот маяк светил так же. А Оуэн Ри вышел в залив на своей маленькой лодке и не вернулся. Шторм, сказали в полиции. Несчастный случай. Лодку нашли через три дня, перевёрнутой, у скал Грей-Хеда. Самого Оуэна не нашли никогда.

Оуэн боялся моря. Он вырос в доках, как и я, и с детства не умел плавать. Он не выходил в залив даже в штиль. И уж точно не вышел бы ночью, в шторм, один.

Я сказал это полиции. Полиция развела руками. Я сказал это Кейт Мэлоун, единственному честному инспектору в Карвене. Кейт сказала, что верит мне. И что без доказательств ничего не может сделать.

А через полгода в банке «Карвен Траст» вдруг всплыл кредит. Два миллиона под залог клуба. С подписью Оуэна. С моей доверенностью, которую я когда-то выдал ему на мелкие расходы. Деньги ушли на счёт строительной фирмы, которая через месяц закрылась. Восемь месяцев назад банк начал требовать платежи. Месяц назад заговорил о взыскании.

И я знал, кому нужен этот пирс.

Маркус Дрейн. Сын человека, у которого я когда-то раздавал карты. Дрейн-младший давно вырос из подпольных игр. Теперь он строит. Стекло, бетон, элитные квартиры с видом на гавань. Весь старый порт уже принадлежит ему. Кроме последнего куска. Моего пирса.

Три года он предлагал мне продать. Три года я отказывал. Потом утонул Оуэн. Потом появился кредит.

И вот теперь банк прислал ко мне её.

Нору Эллис. Женщину, которая разговаривает со мной, как с плохо составленной таблицей. Которая не испугалась моего кабинета, но побледнела от запаха карт. Которая стояла сегодня у перил, белая как мел, и всё равно сжимала свою проклятую папку.

Я не знал, кто в банке решил послать именно её. Случайность? Или кто-то знал, что дочь Дэниела Эллиса скорее умрёт, чем подпишет заключение в пользу игорного клуба?

Если так, то этот кто-то просчитался.

Потому что сегодня за ней пришли не за подписью. За папкой. Значит, в папке было что-то, чего ей видеть не полагалось. А раз она видела этот договор один раз, она увидит его снова. Нора Эллис из тех, кто дочитывает до последней страницы.

И тогда её попытаются остановить уже по-другому.

Я встал. Подошёл к окну. Прижал ладонь к холодному стеклу.

Сабина права. Мне нужно ей сказать. И если я скажу, она уйдёт. Хлопнет дверцей машины, как сегодня, и не вернётся. А если не вернётся, ей некому будет поймать руку на мокрых перилах.

Я не спал до рассвета. Когда над гаванью посерело, я спустился вниз. Клуб был пуст. Тео поднимал стулья на столы. Финн дремал в своей будке у дверей, сложив руки на животе.

Я позвонил Кейт.

— Ты знаешь, сколько времени? — спросила она хрипло.

— Шесть утра. Братья Кольт сегодня ночью напали на сотрудницу «Карвен Траст» на моём пирсе. Забрали у неё документы. Старшему понадобится врач.

Пауза.

— Сколько раз я тебе говорила, Лукас, — сказала Кейт уже совсем не сонным голосом. — Ещё одна сломанная рука, и я не смогу тебя прикрыть.

— Не прикрывай. Просто посмотри, кто оплатит ему врача.

Я положил трубку.

Потом долго сидел в пустом зале и смотрел на сцену.

Мы с Оуэном купили этот склад шесть лет назад. На последние деньги, на займы у друзей, на обещания, которые нечем было подкрепить. Здесь гнили сети и пахло тухлой рыбой. Крыша текла в двенадцати местах. Оуэн стоял посреди этого развала в старом плаще и говорил, что здесь будет лучший клуб на всём побережье. Он всегда так говорил. Про всё. Про каждую дырявую лодку и каждого безнадёжного должника.

Он был моим противовесом. Я видел в людях худшее, потому что насмотрелся на худшее. Оуэн видел в них лучшее, потому что был упрямым. Мы спорили каждый день. И каждый вечер вместе закрывали клуб, садились у стойки и пили чай из одного чайника, потому что второго у нас не было.

Он был единственным человеком, которому я доверял свою подпись. Ту самую доверенность. На мелкие расходы. На лампочки, на вино, на ремонт.

А потом какой-то мерзавец положил эту доверенность рядом с подписью мёртвого человека и забрал под неё два миллиона.

Я не плакал на его похоронах. Хоронить было некого, только пустой гроб и венок от рыбаков северного причала. Я стоял у края ямы и обещал ему, что найду. Кейт тогда стояла рядом и держала меня за локоть. Не для утешения. Чтобы я не ушёл прямо с кладбища в старый порт, к Дрейну.

День я проспал. Плохо, урывками, как спят на войне. Мне снился мой старый стол в подвале у Дрейна-старшего. Зелёное сукно. Руки Дэниела Эллиса, которые дрожат, когда он берёт карту. И его голос. Ещё одну, сынок. Только одну. Я отыграюсь.

Он не отыгрался.

Вечером клуб открылся как обычно. Пришли грузчики после смены. Пришли рыбаки с северного причала. Пришла пара молодых юристов, которые думали, что «Обсидиан» опасное место, и очень гордились собой. Сабина пела. Тео наливал. Финн стоял у дверей.

Без пяти девять я спустился в бар. Сам не знал зачем. Просто не мог сидеть наверху.

— Ждёшь кого-то? — спросил Тео.

— Нет.

— Ага. — Он налил мне воды со льдом. Я никогда не пью в клубе. — Финн говорит, что вчера она спросила у него, во сколько закрывается клуб. Перед тем как уйти.

Я поднял на него глаза.

— Не спросила, — сказал Тео. — Я пошутил. Но ты бы видел своё лицо.

Я посмотрел на часы над баром. Без двух девять. Без одной.

Девять.

Дверь не открылась.

Девять ноль одна. Девять ноль две. Сабина на сцене бросила на меня через зал быстрый взгляд и запела следующую песню, медленную и печальную, будто нарочно.

Ну что же. Значит, я проиграл. Первая ставка за двадцать девять лет, и та проиграна. Наверное, отец смеялся бы.

Я взял стакан и повернулся, чтобы уйти наверх.

Чёрная стеклянная дверь открылась. Порыв холодного воздуха ворвался в зал вместе с запахом моря и мокрых листьев.

Нора Эллис стояла на пороге. В тёмном пальто, с распущенными по плечам волосами, без папки. В руке у неё был ноутбук в чехле. А глаза горели так, будто она пришла не платить, а забирать.

Она нашла меня взглядом через весь зал. Подошла к стойке. Положила ноутбук между нами.

— Тридцать ночей, мистер Вейл, — сказала она. — С девяти до рассвета. Ни одной больше. И я не играю в карты.

— Я тоже, — сказал я.

— А ещё вы отвечаете на мои вопросы. На все. Честно.

Я замер на полсекунды. Она заметила. Конечно, она заметила.

— На все, кроме одного, — сказал я.

— Какого?

— Вы поймёте, когда спросите.

Она смотрела на меня долго. Потом кивнула и сняла пальто. Под пальто был строгий тёмный костюм, белая блузка, застёгнутая до самого горла. Броня. Я хорошо знал, как выглядит броня.

— Начнём с бара, — сказала она. — Мне нужны накладные за последние два года. И ещё одно, мистер Вейл.

— Да?

— Вчера ночью мне прислали сообщение. С незнакомого номера. Мне велели больше никогда сюда не приходить. — Она чуть наклонила голову. — Это были вы?

— Нет.

— Тогда кто?

— Тот, кто очень хочет, чтобы вы этого не делали, — сказал я. — И сегодня вы его разочаровали.

Она открыла ноутбук. Пальцы у неё не дрожали.

А я стоял и думал, что эта женщина только что подписала себе приговор. И что я сделаю всё, чтобы его никто не привёл в исполнение.

Глава третья. Нора

Первую неделю я работала так, будто от этого зависела моя жизнь.

Может быть, так оно и было.

Каждый вечер ровно в девять я входила в чёрную стеклянную дверь. Финн кивал мне из своей будки и говорил что-нибудь про погоду. Тео ставил на край стойки чашку крепкого чая с лимоном. Я не просила. Он просто ставил. Я садилась за маленький столик у служебной двери, открывала ноутбук и работала до рассвета.

Я считала всё.

Бутылки в баре. Стулья в зале. Столы в карточном зале, лампы, ковры, кассовые аппараты. Накладные за два года. Договоры с поставщиками. Зарплатные ведомости. Я проверила каждую цифру по два раза. Я искала то, что ищу всегда. Дыру. Ложь. Место, где деньги уходят не туда.

И не находила.

«Обсидиан» был чистым. Не идеальным, нет. Здесь переплачивали рыбакам за свежий улов для кухни. Здесь держали старого Финна, хотя ему давно было пора на пенсию. Здесь Тео раз в месяц списывал ящик виски, который на самом деле отвозил в больницу при доках, ночным сменам медсестёр. Но здесь никто не воровал. Никто не отмывал деньги. Никто не прятал вторую бухгалтерию.

К пятой ночи я поняла, что злюсь. Мне было бы проще, если бы он оказался преступником.

Лукас почти не подходил ко мне. Он был везде и нигде. Я видела его у бара, в карточном зале, на сцене, где он поправлял микрофон для Сабины. Видела, как он разнимает двух пьяных докеров одним словом. Как выслушивает старика-рыбака, у которого банк забирает лодку. Как незаметно кладёт ему в карман конверт.

Он ни разу не сел за карточный стол. Ни разу не взял в руки колоду.

На четвёртую ночь я впервые поднялась в карточный зал.

Мне нужно было пересчитать столы и лампы. Так я себе сказала. Я стояла в дверях с блокнотом и не могла сделать ни шагу. Зелёное сукно. Мягкий свет. Шелест карт, похожий на шелест сухих листьев. Мне снова было шестнадцать, и я стояла на пороге чужой задымлённой комнаты, а отец сидел за столом спиной ко мне и не оборачивался, хотя я звала его трижды.

За дальним столом играл молодой парень. Лет двадцати пяти, в дешёвом пиджаке, с обручальным кольцом на пальце. Он проигрывал. Я поняла это сразу, не глядя на фишки. По его плечам. По тому, как он тёр лоб. По тому, как он сказал крупье: ещё одну раздачу, только одну.

У меня заледенели руки.

А потом рядом с ним вырос Тео. Огромный, спокойный. Положил ладонь парню на плечо. Наклонился и что-то сказал ему на ухо. Парень вскинул голову, хотел возразить. Тео покачал головой. Мягко, почти ласково. И парень встал.

Тео проводил его вниз. Я смотрела в окно, как они идут по пирсу к стоянке такси. Как Тео открывает перед ним дверцу. Как суёт водителю купюру.

— Это правило Лукаса, — сказала у меня за спиной Сабина. Я не слышала, как она подошла. — Тот, кто начинает просить ещё одну раздачу, уезжает домой. Без исключений. Даже если он должен клубу. Особенно если должен.

— А если он не захочет уезжать?

— Тогда Тео посадит его в такси на руках. — Сабина улыбнулась. Улыбка была грустной. — Лукас говорит, что слишком много видел мужчин, которые просили ещё одну раздачу. И слишком много детей, которые потом ждали их дома.

Я ничего не ответила. Я спустилась вниз, села за свой столик и долго смотрела в экран, не видя ни одной цифры.

И каждую ночь, на рассвете, он провожал меня до машины. Молча. Шёл рядом по мокрым доскам и смотрел в туман. Будто ждал, что оттуда снова кто-нибудь выйдет.

Никто не выходил. Сообщений больше не было. Но каждый раз, садясь в машину, я чувствовала на себе его взгляд. Тяжёлый, тёплый, как ладонь на спине.

Однажды, на шестую ночь, я задержалась у будки Финна. Старик пил чай из термоса и смотрел на туман.

— Вы давно здесь работаете? — спросила я.

— С первого дня, мисс. Мне было шестьдесят шесть, меня выгнали из порта. Сказали, что я старый и медленный. Лукас пришёл ко мне домой и сказал, что ему нужен человек у двери. Не быстрый. Умный. — Финн хмыкнул. — Я ему сказал, что я ни то, ни другое. А он сказал, что я умею смотреть на людей. Что я знаю, кого пускать, а кого нет.

— И кого вы не пускаете?

— Тех, у кого пустые глаза, — сказал Финн просто. — Вас я пустил сразу. У вас глаза полные. Злые, но полные.

Я не знала, что на это ответить. Финн протянул мне крышку от термоса с горячим чаем.

— Он хороший человек, мисс, — сказал он, глядя на воду. — Не добрый. Хороший. Это разные вещи. Добрые люди в нашем порту долго не живут.

На восьмую ночь пришёл шторм.

Он начался около полуночи. Сначала ветер. Он ударил в стеклянную стену так, что задрожали бокалы на полках. Потом дождь, косой, злой, с моря. Гости разошлись рано. К часу ночи в зале остались только Тео, протиравший стойку, и Сабина, которая сидела у пианино и тихо наигрывала что-то, не глядя на клавиши.

— Мисс Эллис, — сказал Лукас у меня за спиной.

Я вздрогнула. Он умел подходить неслышно.

— Мистер Вейл.

— Вы просили документы по ремонту крыши. Они в моём кабинете. Подниметесь?

Я закрыла ноутбук и пошла за ним по железной лестнице. Шторм выл снаружи так, что казалось, будто весь пирс раскачивается на волнах.

В кабинете горела одна настольная лампа. За стеклянной стеной не было видно ничего, кроме дождя и черноты. Лишь иногда вспыхивала молния, и тогда на секунду проступала гавань. Белые гребни волн. Мачты, которые качались, как пьяные. И далёкий маяк.

Лукас достал из шкафа папку и положил на стол. Я открыла её. Счета, сметы, фотографии. Всё в порядке. Всё сходилось.

— Вы ничего не найдёте, — сказал он.

— Я ещё не закончила.

— Вы ищете неделю. Вы проверили каждую бутылку в моём баре. Вы знаете цену каждой лампочки в зале. И вы ничего не нашли.

— Это не значит, что ничего нет.

— Нет, — согласился он. — Это значит, что вы ищете не там.

Он обошёл стол и встал рядом со мной. Совсем рядом. Так, что я почувствовала тепло его плеча через ткань пиджака.

— Вы ищете грязь у меня, — сказал он тихо. — А надо искать у тех, кто дал этот кредит.

— Банк не…

Молния ударила где-то совсем близко. Небо раскололось белым. Грохот был такой, что я невольно схватилась за край стола. Свет мигнул. И погас.

Стало совершенно темно.

Я не видела ни стола, ни окна, ни собственных рук. Только чувствовала, как дождь бьёт в стекло. И как рядом дышит он.

— Не двигайтесь, — сказал Лукас. — Тут провода от лампы, вы запутаетесь.

— Я не боюсь темноты.

— Знаю. Вы боитесь меня.

— Не льстите себе, мистер Вейл.

Он засмеялся. Тихо, почти беззвучно. Я почувствовала этот смех кожей, потому что он вдруг оказался ещё ближе. Его рука нашла на краю стола мои пальцы. Накрыла их. Тёплая, сухая, тяжёлая ладонь.

Я должна была отдёрнуть руку. Я знала, что должна.

Я не отдёрнула.

— Нора, — сказал он.

Впервые по имени. Низко, хрипло, совсем рядом с моим ухом. От этого голоса у меня ослабели колени, и я была благодарна темноте, потому что он не видел моего лица.

— Вы обещали отвечать на вопросы, — сказала я. Голос предательски дрогнул.

— Спрашивайте.

— Зачем вы меня сюда позвали? На самом деле?

Он долго молчал. Его большой палец медленно провёл по моему запястью. Там, где бился пульс. Вверх. Вниз. Будто он считал удары.

— Потому что вы единственный человек в этом городе, который дочитывает документы до конца, — сказал он наконец. — И потому что я хотел, чтобы вы были рядом. Каждую ночь. Хотя бы тридцать.

Молния снова осветила кабинет. На секунду я увидела его лицо. Совсем близко. Серые глаза, тёмные, почти чёрные в этом белом свете. Жёсткий рот. И то, как он смотрел на мои губы.

Темнота вернулась.

Я почувствовала его дыхание у своих губ. Тёплое. Медленное. Он наклонялся ко мне так медленно, что я успела бы отвернуться сто раз. Я не отвернулась. Я закрыла глаза, хотя и так ничего не видела. Сердце колотилось где-то в горле.

Между нами остался один вдох.

И он остановился.

— Нет, — сказал он хрипло. — Не так.

— Что?

— Вы здесь, потому что должны мне ночь. Если я вас сейчас поцелую, вы решите, что это тоже часть долга. А я не хочу ничего брать у вас в долг, Нора. — Он отпустил мои пальцы. Отступил. Я почувствовала, как между нами снова появился холодный воздух. — Когда вы меня поцелуете, это будет даром. Или не будет вовсе.

Свет вспыхнул.

Лампа мигнула и загорелась. Лукас стоял у окна, спиной ко мне, засунув руки в карманы. Шторм бушевал за стеклом. На столе передо мной лежала папка со счетами за крышу.

Я смотрела на его спину и не могла понять, чего мне хочется больше. Ударить его. Или подойти и прижаться лбом к этой спине.

Я взяла ноутбук и ушла. Молча. Он не обернулся.

Внизу Сабина всё ещё сидела за пианино. Когда я проходила мимо, она подняла на меня глаза. Посмотрела на моё лицо. И улыбнулась так понимающе, что мне захотелось провалиться сквозь пол.

Она встала из-за пианино и подошла ко мне. Села на край моего столика. От неё пахло пудрой и ночными цветами.

— Не злитесь на него, — сказала она тихо. — Он не умеет иначе.

— Я не злюсь.

— Злитесь. У вас уши красные. — Сабина улыбнулась. — Я знаю Лукаса девять лет. Я видела, как к нему приходили женщины. Красивые, богатые, смелые. Он был с ними вежлив. Иногда очень вежлив. Но ни одну из них он ни разу не провожал до машины. Ни разу не ставил ей чашку чая. Ни разу не смотрел ей вслед с лестницы так, как смотрит на вас.

— Вы ошибаетесь.

— Я певица, мисс Эллис. Я каждую ночь смотрю на зал со сцены. Я вижу, кто на кого смотрит. Это моя работа. — Она встала и поправила на плечах старую кожаную куртку. — Он остановился, потому что боится. Не вас. Себя. Он думает, что всё, к чему он прикасается, рано или поздно горит.

Она ушла. А я ещё долго сидела, глядя в тёмный экран.

Я снова открыла ноутбук. Руки дрожали. Чтобы успокоиться, я сделала то, что всегда помогает. Начала работать.

В банковскую систему я могла входить из дома. Это было нарушением всех правил, но я давно настроила себе удалённый доступ. Папку с копией кредитного договора у меня украли. Сам договор остался в архиве. Я открыла его. Пролистала до последней страницы. Подпись Оуэна Ри. Печать нотариуса. Дата.

Шестнадцатое апреля, позапрошлый год.

Я смотрела на эту дату, и что-то не давало мне покоя. Что-то царапало, как камешек в ботинке. Шестнадцатое апреля. Шестнадцатое…

Я открыла новую вкладку. Набрала в поиске: Оуэн Ри, Карвен.

Первая же ссылка. Местная газета. Короткая заметка, всего несколько строк.

«В ночь на четырнадцатое апреля в заливе у мыса Грей-Хед перевернулась прогулочная лодка. Владелец лодки, совладелец клуба „Обсидиан“ Оуэн Ри, тридцати четырёх лет, считается пропавшим без вести. Поиски продолжаются».

Четырнадцатое апреля.

Я вернулась к договору. Увеличила подпись. Аккуратную, ровную, уверенную. Подпись человека, у которого спокойно на душе и твёрдая рука.

Оуэн Ри подписал кредит на два миллиона через два дня после того, как утонул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.